

Марево дорожной пыли осталось позади, и лишь к полудню повозка остановилась перед невысокими холмами.

— Господин Юань, мы на месте, — Са Мо спрыгнул на землю и пригласил спутника выйти.

В низине, окруженной песчаными дюнами, притаилось небольшое озеро. Светло-зеленая вода на фоне золотистых песков казалась невероятно прозрачной и чистой.

— Пойдемте, скорее вниз! — Са Мо, не дожидаясь ответа, помчался к берегу.

Юань Чжань смотрел ему вслед, и уголки его губ невольно дрогнули в улыбке. На самом деле он не был рожден с ледяным выражением лица — просто привык всегда держать маску величия и неприступности. Но сейчас, глядя на то, как беззаботно несется Са Мо, он почувствовал странное удивление. В его мире никто не позволял себе подобного. Подобное поведение считалось не только дурным тоном, но и неуважением, строжайшим табу. Он уже и не помнил, когда в последний раз видел настолько свободного человека, да и сам никогда не позволял себе так бежать.

Добравшись до воды, Са Мо с восторгом заговорил:

— Вот оно — лето! Сюда нужно приходить именно в самый зной. Посмотрите на солнце: оно так палит, что песок буквально дышит жаром. А потом видишь эту прохладную гладь — и сразу на душе легко и свежо.

— И правда, — согласился Юань Чжань.

— Видите, над водой тоже поднимается марево, но оно совсем другое, не такое, как над песком.

— Ты правда это видишь?

— А разве это не очевидно? — удивился Са Мо.

Юань Чжань беспомощно улыбнулся:

— Похоже, я слеп.

— Да нет, — смутился Са Мо, — вы же из Центральных равнин, для вас это нормально.

Затем он повел его вокруг озера, без умолку болтая о всяких пустяках. Юань Чжань с каждым словом находил этого человека всё более интересным. Казалось, для Са Мо у каждой капли

воды и каждой песчинки есть своя бесконечная история. Юань Чжань не мог взять в толк, как в голове одного человека может уместиться столько причудливых и невероятных мыслей.

Следующей остановкой стала харчевня: несколько убогих домиков на песке, обнесенных низким забором, и вывеска с крупным иероглифом Вино у входа. Усевшись под навесом, Са Мо крикнул внутрь:

— Несите лепешки и четыре порции супа из бараньих потрохов!

Вскоре вышел мужчина средних лет, неся лепешки. Юань Чжань взглянул на них и спросил:

— Почему они сырые?

— Сами испечем, — Са Мо присел на корточки, взял лепешки и принялся за дело: — Мы выроем ямку, поставим в нее котел, а лепешки прилепим к стенкам. От жара земли они быстро пропекутся. Такие лепешки куда вкуснее тех, что на огне — они же впитали в себя всю энергию земли!

Он отнес готовые лепешки и две миски супа двум охранникам за соседний стол, вернулся обратно и принялся жадно есть.

Юань Чжань засомневался:

— Так и есть, руками?

— Ну конечно! Только так и чувствуется настоящий вкус. Да и к этому палящему полуденному зною иначе не подходит, — ответил Са Мо с набитым ртом.

Надо же, как метко сказано — подходит к палящему зною. Юань Чжань, не удержавшись, тоже принялся есть руками, забыв об элегантности, к которой так привык.

Когда пришло время уезжать, хозяин поставил на стол две бутылки:

— Только что откупорили, попробуйте.

— Ну, тогда не откажемся! — Са Мо схватил вино и направился к выходу.

— Мы же не заплатили, — заметил Юань Чжань.

— Да бросьте, какие тут деньги, все же свои. Поехали!

Стоило им сесть в повозку, как Са Мо хлестнул лошадей и радостно закричал:

— Вперед! Торопимся навстречу весне!

Эти слова заставили Юань Чжана просить. Он подумал: этот человек даже не подозревает, насколько поэтично прозвучало его замечание. Он постоянно удивляет, с ним невероятно интересно.

Когда повозка остановилась в следующий раз, они оказались на высоком склоне. Раздался голос Са Мо:

— Дальше только пешком.

Он указал на самую вершину. Когда они добрались туда, небо уже начало темнеть. Юань Чжан замер, пораженный увиденным: бескрайнее небо, усыпанное звездами, казалось таким близким, что до них, казалось, можно было дотянуться рукой.

Са Мо растянулся на земле, закинул ногу на ногу и с удовольствием произнес:

— Здесь мы ближе всего к небу. Песок еще теплый, а ветерок уже поднялся — лежать так и смотреть на звезды самое милое дело. Тепло, но при этом прохладно. Это и есть весна.

Он неотрывно смотрел в небо, и в его глазах отражался такой же свет, как у звезд. Голос был мягким, словно ветерок, и казалось, что он сам стал частью этого пейзажа — будто он и есть та самая звезда, которая случайно упала с неба.

Юань Чжан прилег рядом, но взгляд его невольно задержался на лице спутника — он никогда раньше не видел настолько чистого и искреннего человека.

— Ой, ветер усиливается, — хихикнул Са Мо. — Если станет еще сильнее, самые маленькие звезды поотрываются и полетят вниз. Глядишь, одна мне прямо в рот упадет, ха-ха!

Юань Чжан невольно улыбнулся:

— В рот? И какой же у них вкус?

Са Мо задумался:

— Немного острый, но сладкий.

— Почему?

— Раз они такие яркие, значит, должны быть острыми.

— А почему сладкие?

— Потому что каждый, кто видит такие прекрасные звезды, становится радостным. Конечно, они сладкие.

Юань Чжань с детства был обучен книжной премудрости и прочел немало великих стихов о небесных светилах, но вкус звезд как нечто остро-сладкое — такое он слышал впервые.

Все древние поэтические строки, сравнивающие звезды с жемчугом или оплакивающие судьбы людей, казались ему теперь избитыми и скучными. А этот невежественный житель Западных земель выдал нечто поразительно поэтичное. Сейчас он походил на ребенка, сохранившего первозданную чистоту. В его собственном мире даже дети давно утратили эту невинность.

— Смотрите внимательнее, скоро придет зима.

Юань Чжань уже не мог отвести от него глаз.

Когда ветер стал совсем сильным, Са Мо вскочил:

— Скорее уходим, а то замерзнем!

И действительно, воздух вокруг начал остывать — в нем и правда почуялось дыхание зимы.

В глубине леска, укрытого от ветра, стояло около десяти домов. Повозка остановилась перед хижиной, Са Мо развел костер и громко позвал Дин Цзя и Дин Шэня:

— Эй, вы двое, идите погрейтесь!

Увидев, что те не шелохнулись, он сказал Юань Чжаню:

— Позовите их, а то скоро совсем холодно станет.

Лишь после кивка господина охранники подошли, но все равно держались на почтительном расстоянии.

— Ну и много же у вас, жителей равнин, правил, — Са Мо вытащил из-за пазухи бутылку и бросил ее им: — Ловите!

Затем он открыл другую бутылку и протянул Юань Чжаню:

— Пейте скорее, иначе эту ночь не пережить — теплых одеял здесь нет.

Сделав несколько глотков, Юань Чжань почувствовал, как разливается тепло. Он вернул бутылку Са Мо, тот приложился к ней и сказал:

— Вино дяди Туэра, конечно, уступает тому, что прячет Сы-нян, но все равно куда лучше, чем у других.

Этот человек был таким необычным! Когда он смотрел на звезды, то казался чистым эльфом; в общении был щедрым и открытым, как истинный герой, а перед Сы-нян превращался в озорного обиженного ребенка. Как в одном человеке может сочетаться столько личин? И каждая из них обладает такой силой притяжения, что окружающие невольно попадают под его влияние.

— У тебя фамилия Са? Странная фамилия, — Юань Чжань не мог скрыть любопытства.

— Двойная фамилия Са Мо, имя Доло. Кстати, я ведь до сих пор не знаю, как зовут вас.

— Юань Чжань.

Са Мо несколько раз повторил это имя. Он произносил иероглиф Чжань без нужного придыхания, и это звучало странно.

— Звучит почти как волчий вой, очень красиво, — сказал он, продолжая с удовольствием повторять имя на свой манер.

— Почему ты всегда такой радостный? — Юань Чжань, глядя на него, невольно улыбнулся.

— А почему я должен быть грустным? — парировал Са Мо.

Юань Чжань замолчал.

— Я просто думаю: раз уж живешь, то каждый прожитый день — это подарок. Было бы глупо тратить его на грусть, это же сплошной убыток!

— Разве тебе никогда не бывает грустно? — настаивал Юань Чжань.

— Бывает, но я уже не помню. В памяти всплывает только самое радостное, — Са Мо лучезарно улыбнулся.

— А что самое радостное?

— Жареная курица и хорошее вино.

— А просто очень радостное?

— Это когда можно подольше поспать, не работать и гулять где хочешь.

— А что тогда просто радостное?

— Лентяйничать, тайком поесть или выпить, чтобы Сы-нян не заметила.

— А если нет курицы и вина?

— Тогда становится еще радостнее.

— Почему?

— Потому что когда голоден, то мечтаешь о курице, и это ожидание так приятно! А если потом Сы-нян даст мне курицу, я буду считать ее самой прекрасной женщиной на свете. Разве это не радость?

— А если она не даст, а у тебя нет денег купить?

— Взгляните на наше путешествие — я хоть раз заплатил хоть медяк? А все равно и сыт, и пьян, — он потряс бутылкой.

— А если окажешься в чужом месте, где нет знакомых, и денег тоже нет?

— Все равно буду радоваться.

— Почему?

— Потому что тогда придется включить свой умный мозг, чтобы заработать. А когда получишь деньги и купишь еды, будешь считать себя самым умным человеком на свете. Разве это не радость?

— А если не заработаешь?

— Придумаю что-нибудь другое. Я же такой умный, обязательно что-нибудь придумаю.

Слушая его, Юань Чжань понял: этот человек способен найти повод для радости в любой обыденности.

— Завидую тебе.

— Принимаю с благодарностью. А вы? Когда вы были счастливы?

— Никогда.

— А очень радостны?

— Тоже нет.

— Ну хоть просто радостны?

— Было когда-то, но теперь уже нет.

Он вспомнил юность и соперничество с другим человеком, когда они соревновались во всем, не желая уступать. Тогда они дни напролет проводили за учебой, пытаясь переиграть друг друга. Только сейчас он понял, что та борьба была единственным по-настоящему живым моментом в его жизни.

— Не может быть! Как же так? — Са Мо был потрясен.

— Да, жалко, — усмехнулся Юань Чжань. Никто и никогда не жалел его.

— Но почему? — Са Мо никак не мог понять. — Вы богаты, вам не надо работать, можно разъезжать с охраной по красивым местам. Как можно быть несчастным?

Юань Чжань холодно усмехнулся:

— И правда, причин для грусти вроде бы нет.

— Тогда почему вы грустите? — не унимался Са Мо.

Юань Чжань сделал знак Дин Цзя и Дин Шэню, и те отошли за дом. Он привык всегда скрывать свои чувства, не позволял никому узнать, что у него на уме, да и сам не интересовался чужими мыслями. Он устал от своего окружения, от людей, которые вечно что-

то вынюхивают, и от того, что сам вынужден быть таким же, подстраиваться под чужие неприятные лица. Ни минуты покоя, ни одного человека, с которым можно поговорить по душам. Потому он и бежал — подальше от этого противного мира. Но сейчас, перед лицом Са Мо, этого странного незнакомца, перед его чистым любопытством, он вдруг почувствовал облегчение и захотел выговориться.

— У меня много братьев, но между нами нет никаких чувств. Сплошные интриги и борьба, мы не родня, а враги. Многие люди рядом со мной не потому, что любят меня, а ради собственной выгоды. Ни капли искренности, — Юань Чжань помрачнел.

— Как так? — Са Мо был шокирован, будто услышал нечто невероятное. — А родители? Они ведь должны вас любить?

— Родители? Они говорят, что ценят меня, но в их глазах всегда есть вещи поважнее.

Са Мо впервые стал серьезен:

— Поэтому вы и скитаетесь, не желая возвращаться домой?

— Да.

— Получается, что дом есть, что его нет — никакой разницы? — в глазах Са Мо мелькнула печаль.

— Даже хуже, чем если бы его не было, — голос Юань Чжаня звучал безнадежно.

— Но почему?

— Я бы и сам хотел знать.

Са Мо смотрел на него во все глаза, а потом тепло улыбнулся:

— Ну и плевать! Пьем!

Когда вино закончилось, Са Мо отвел Юань Чжаня в дом, ловко разложил солому и устроил простую постель. Они улеглись так же, как тогда, на песке, глядя на звезды. Юань Чжань никогда не спал на столь убогом ложе, а увидев паутину и пыль на стенах, нахмурился. Он хотел было что-то сказать, но обернулся и увидел, что Са Мо уже крепко спит, по-детски посапывая. Его одухотворенное, красивое лицо казалось еще чище в лунном свете. Юань Чжань, словно любясь драгоценностью, смотрел на него, пока сам не погрузился в сон.

Во сне Са Мо лучезарно улыбался, бегал без всяких ограничений, с аппетитом ел курицу, пил вино, а потом, взмахнув кнутом, примчался с самого края звездного неба и громко крикнул:

— Скорее! А то не успеем к осени!

Юань Чжань открыл глаза — лицо Са Мо было совсем рядом:

— Просыпайтесь! А то не успеем к осени!

Они прошли через лес и поднялись на вершину соседнего холма. Вдали, над золотистыми песками, медленно поднималось огненно-красное солнце. Оно озаряло пустыню, заставляя ее сиять, а листва деревьев, окрашенная в золотисто-красные тона, стала прозрачной и будто бы тоже радовалась наступившему утру.

— Ну что, смотрите! Красная, золотистая осень — настоящая, верно? — Са Мо сиял от восторга.

— И правда, — Юань Чжань был заворожен. Осень в Центральных равнинах всегда казалась ему унылой и печальной, а здесь... Один этот насыщенный красный оттенок на золотом фоне воплощал в себе всю осень — мощную, исполненную жизненной силы. Возможно, печаль приносят не сама осень, а лишь опавшие листья и увядшие цветы.

— Как ты находишь такие времена года? — спросил Юань Чжань.

— А разве их нужно искать? — удивился Са Мо. — Взгляните — всё же сразу видно.

Похоже, он и вправду не осознавал, каким даром обладает. Юань Чжань снова подумал: неужели он и правда звезда с неба или лесной дух?

С другой стороны холма спускалась пожилая женщина с охапкой дров. Са Мо издали помахал ей, а когда она подошла ближе, спросил:

— Тетушка Ди, вы так рано за дровами?

— Да вот, пока прохладно, а потом еще в город надо успеть, — она взглянула на Юань Чжана и добавила: — Вчера видела, что в твоём доме горит огонь, поняла — вернулся. Напекла лепешек, иди угости друзей. Я дрова у деревни оставлю и сразу в город, а лепешки в котле, еще теплые. И твой любимый кисло-острый суп там же.

Са Мо просиял, обнял тетущку Ди и воскликнул:

— Как же хорошо! Я так соскучился по вашей стряпне!

Он схватил Юань Чжання за руку и, сияя от счастья, помчался вниз по склону.

<http://bllate.org/book/19379/1895082>